

АЛЕКСАНДР КОЛЧАК

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ

Я служу не той или иной форме правительства, а родине своей,
которую ставлю выше всего

СЕРИЯ «ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК»

Фронтовой дневник (АСТ)

Александр Колчак

Протоколы допросов

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колчак А. В.

Протоколы допросов / А. В. Колчак — «Издательство АСТ»,
2024 — (Фронтвой дневник (АСТ))

ISBN 978-5-17-160943-6

Адмирал Александр Колчак – выдающийся мастер военного дела, флотоводец, вице-адмирал и адмирал Балтийского флота, командующий Черноморским флотом, член-корреспондент Петербургской Академии наук, вошедший в историю как руководитель Белого движения во время Гражданской войны в России. Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий Русской армией (1918–1920). Колчака признавали все командующие белыми войсками. «Его имя – имя целого движения, целой эпохи русской революции. Он связал свое имя с идеей, во имя которой велась гражданская война – идеей единой великой России...» – сказал о нем контр-адмирал Михаил Смирнов. С 20 января 1920 года Колчака допрашивали члены Чрезвычайной следственной комиссии, назначенной руководством Политцентра – эсеро-меньшевистской организации. В ночь с 6 на 7 февраля 1920 года он был расстрелян. Протоколы допросов Колчака – живая нить истории, свидетельство всей его жизни, рассказ об истории России от первого лица. Сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160943-6

© Колчак А. В., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Белый верховный правитель России адмирал А.В. Колчак перед расстрелом	7
Адмирал Колчак. Протоколы допроса	11
Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака	12
Заседание чрезвычайной следственной комиссии 21-го января 1920 г.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Васильевич Колчак

Протоколы допроса

© ООО «Издательство АСТ», 2024

Белый верховный правитель России адмирал А.В. Колчак перед расстрелом

Адмирал А.В. Колчак – главная величественная фигура Белого движения. Александр Васильевич, по прозвищу Колчак Полярный за его научные достижения, стал в нем верховным правителем России, верховным главнокомандующим Русской армией, которого признали все командующие белыми войсками. Об адмирале справедливо высказался его первый биограф и близкий сотрудник контр-адмирал М.И. Смирнов, чья статья в этом сборнике: «Его имя – имя целого движения, целой эпохи русской революции. Он связал свое имя с идеей, во имя которой велась гражданская война – идеей единой великой России... Вокруг него объединились все честные противники большевизма, все искренние русские патриоты».

Ярко проявилась державная позиция А.В. Колчака в вопросе о помощи финской армии белым по взятию большевистского Петрограда. В обмен на это финны настаивали на признании колчаковской Россией независимости Финляндии. А.В. Колчак отверг сделку, в мае 1919 года адмирал написал командующему Северо-Западной армией генералу Н.Н. Юденичу: «Признание независимости Финляндии может исходить только от Учредительного собрания. В настоящее время никто не правомочен вступать в формальное соглашение по этнографическим вопросам от имени России».

Почему многие заслуженные на Великой войне армейские полководцы в Белом деле единодушно признали главенство над ними флотоводца Колчака? Это продиктовалось его правилом активного военного моряка – нападать на врага, как и умело взвешивать шансы на успех.

Воинский и сословный родословец А.В. Колчака был тому порукой. Род Колчаков древен, эта фамилия идет еще от половцев, в переводе на русский означает «рукавица»: «рука» по-турецки «кол». Известен Илиас-паша Колчак, тот был сербскохорватского происхождения, христианином, принявшим мусульманство. Он стал начальником знаменитой Хотинской крепости и отмечен в оде М.В. Ломоносова на взятие Хотина. Колчак дослужился до поста визиря султана, но в 1739 году в очередной русско-турецкой войне в том самом Хотине попал в плен вместе с семьей. На славянской земле его потомки вернулись в православную веру, служили казаками. Сотник Лукьян Колчак – прадед адмирала Колчака, от его сына родился отец адмирала Василий Иванович. Он служил офицером морской артиллерии и был крупным специалистом, автором книг в этой области. Мать адмирала Колчака Ольга Ильинична Посохова происходила из донских казаков и херсонских дворян. Ее отец являлся последним одесским градоначальником, которого в 1920 году расстреляли большевики.

Саша Колчак учился в гимназии, а потом в Морском училище, с 1891 года переименованном в Морской кадетский корпус. У него на роду была написана морская служба. Помимо морского артиллериста отца этой же флотской специальности были и дяди Колчаки: один капитан 1-го ранга, другой генерал-майор. По младшей линии Колчаков имелся и контр-адмирал. Также у Посохиных ближайший родственник матери – контр-адмирал. В своем корпусном выпуске Колчак шел то первым, то вторым. Как лучший по наукам и поведению А. Колчак назначается фельдфебелем роты. Один из его подопечных потом вспоминал:

«Колчак, молодой человек невысокого роста с сосредоточенным взглядом живых и выразительных глаз, глубоким грудным голосом, образностью прекрасной русской речи, серьезностью мыслей и поступков, внушал нам, мальчикам, глубокое к себе уважение. Мы чувствовали в нем моральную силу, которой невозможно не повиноваться, чувствовали, что это тот чело-

век, за которым надо беспрекословно следовать. Ни один офицер-воспитатель, ни один преподаватель корпуса не внушал нам такого чувства превосходства, как гардемарин Колчак. В нем был виден будущий вождь».

До 1917 года Александр Васильевич Колчак был известен в России как ученый-океанограф и полярный исследователь. Именем А.В. Колчака был назван один из островов в Таймырском заливе Карского моря. Во время русско-японской войны будущий адмирал добровольно перевелся из Академии наук в Порт-Артур, где участвовал в сражениях. На Великой войне Колчак становится признанным и за границей экспертом по минному делу. Проведенные им минные операции на Балтике и Черном море нанесли серьезный ущерб германскому флоту. В 42 года Александр Колчак был назначен командующим Черноморским флотом, став самым молодым флотоводцем в истории той войны.

Адмирал Колчак был выдающимся мастером военного дела, однако не углублялся в политические вопросы. Он не верил в победу монархического правления в текущей войне, что объяснял на своих допросах в иркутской тюрьме: «Я приветствовал революцию, как возможность рассчитывать на то, что она внесет энтузиазм, – как это и было у меня в Черноморском флоте вначале, – в народные массы и даст возможность закончить победоносно эту войну, которую я считал самым главным и самым важным делом, стоящим выше всего, – и образа правления, и политических соображений. Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца, и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну».

Как большинство вождей Белого движения, Колчак надеялся, что русский народ без власти царя начнет плодотворно развиваться. Он принес присягу Временному правительству. Но армия из-за Приказа №1 февральских петроградских революционеров, выжигающего непрекращаемое подчинение солдат офицерам, стала разваливаться. Русская победа в войне ускользнула. После захвата большевиками центра России пришлось патриотическим офицерам начинать с ними гражданскую войну. А.В. Колчак в ключе многих «прогрессивных» устремлений тогдашнего офицерства несокрушимо верил лишь союзникам «передовых» стран Запада. Они его как раз и предали на расстрел.

Под натиском Красной армии осенью 1919 года союзный колчаковцам Чехословацкий корпус заявил, что считает себя свободным от всех обязательств перед Россией и будет эвакуироваться на Дальний Восток по железной дороге, которая им контролировалась. Подчеркивалось, что чехословаки должны уехать с «благоприобретенным имуществом». Действия союзников обрекли боевые неудачи Восточного фронта белых на катастрофу. Так их армия отрезалась от тыла, лишалась возможности вовремя получать боеприпасы и вывозить раненых.

Войска адмирала Колчака стали отходить на восток. В ноябре 1919 года из Омска эвакуируется его правительство. Новой резиденцией намечен Иркутск. А.В. Колчак и штаб Верховного главкома покинули Омск на семи поездах, три из которых было с золотым запасом бывшей империи, когда-то отбитым у красных в Казани.

В 20 тысячах вагонов (по одному на двух легионеров) потянулись на Дальний Восток эшелоны Чехословацкого корпуса. В них эти славяне, сначала дружившие с красными, потом с белыми, увлакивали великую массу ценностей и русского добра, начиная со многих тонн серебра, кончая породистыми лошадьми и даже собранием книг Пермского университета. Увозили богатства на сотни миллионов золотых рублей. В Праге потом оборотистые чехи открыли на это крупнейший банк – Легиобанк.

Во главе предательства адмирала Колчака стоял французский генерал М. Жанен – представитель Высшего межсоюзного командования и главнокомандующий союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке. В конце декабря 1919 года Колчак продвигался к Иркутску уже не на поездах, а лишь на своем составе. В это время адмирала догнал председатель Совета министров Омского правительства В.Н. Пепеляев. В Нижнеудинске адмиральский поезд был задержан чехословаками. Они под видом охраны Колчака взяли его состав под негласный арест. Верховному правителю России вручили телеграмму генерала Жанена, который требовал, чтобы Колчак оставался на месте до выяснения обстановки.

31 декабря и 1 января 1920 года в Иркутске шли бои между восставшими против белых солдатами и колчаковским гарнизоном. В городе оказались два правительства: колчаковский Совет министров без его председателя и Политический центр, опиравшийся на восставшие части, который сложился из эсеров и земцев. Переговоры между ними тянулись со 2 января в Иркутске в вагоне генерала Жанена, пытающегося склонить колчаковских министров на сдачу власти Политцентру. 3 января Совмин послал Колчаку, остановленному в Нижнеудинске, телеграмму, настаивающую, чтобы он отрекся от власти. Своим последним указом адмирал Колчак передал свои полномочия генералу А.И. Деникину и атаману Г.М. Семенову.

Из Нижнеудинска адмирала Колчака чехословаки фактически повезли на расправу в Иркутск. Судьбу его решили генерал Жанен, руководство чехословаков, иркутский Политцентр и большевистские лидеры, чьи ячейки тянулись в населенных пунктах вдоль железнодорожного полотна от Нижнеудинска до Иркутска. Коммунисты совместно с Политцентром потребовали от чехословаков выдачи им Колчака, председателя его Совмина Пепеляева и золотого запаса взамен того, что «братьям славянам» дадут унести ноги из Сибири. Жанен и чехословацкие представители пошли на эту сделку, присвоив себе часть российского золота. Колчаковский генерал Д.В. Филатьев в мемуарах эту подлость прокомментировал: «Генералу Жанену достаточно было бы объявить, что ни один чех не будет отправлен морем, если адмирала не доставят живым и невредимым в Забайкалье, и вопрос был бы разрешен не только “психологически”, но и реально».

После ареста в Иркутске потекли последние дни жизни А.В. Колчака за решеткой губернской тюрьмы, где было восемь шагов в длину, четыре – в ширину. Спал он на железной кровати, ел за металлическим столиком на привинченном к полу табурете. На стене – посудная полка, в углу таз и кувшин для умывания, выносное ведро. Пищу арестанту подавали в окошко на двери камеры, над ним был стеклянный «волчок». Адмирал мало ел, плохо спал, больше он быстро вышагивал по закуту своей камеры, раздумывая, покашливая, много курил.

С 20 января 1920 года Колчака допрашивали члены Чрезвычайной следственной комиссии, назначенной руководством Политцентра – эсеро-меньшевистской организации, которой в те дни принадлежала власть в Иркутске. 21 января Политцентр сдал свою власть большевистскому Военно-революционному комитету. Допросы А.В. Колчака возглавил большевик С.Г. Чудновский, который с 17 февраля стал председателем Иркутской губернской ЧК. Он начал с того, что попытался лишить Колчака стакана чая, который ему обычно подавали перед допросом. Тогда один из членов комиссии – эсер Г.И. Лукьянчиков – отдал адмиралу свой стакан.

На заседаниях комиссия не смогла выдвинуть реальных обвинений адмиралу Колчаку. Значительная часть их протоколов посвящена выяснению обстоятельств его дореволюционной биографии; лишь в конце вопросы стали касаться периода Гражданской войны. Эти сте-

нограммы, конечно, искажены, «отредактированы» по своему усмотрению большевиками, но и в таком виде очевидны мужественной статью Александра Васильевича на допросах, которые продлились до 6 февраля, адмирал был казнен 7 февраля. Как всегда, он держался спокойно, говорил четко, во всем блеске его «подтянуто-деловой героичности» элитарного русского офицера.

Показательны судьбы допросчиков, палачей А.В. Колчака, из которых лишь заместитель председателя комиссии большевик К.А. Попов умер своей смертью. Однако руководивший расстрелом А.В. Колчака и В.Н. Пепеляева С.Г. Чудновский был арестован на должности председателя Ленинградского областного суда и расстрелян в 1937 году. Эсер А.Н. Алексеевский якобы случайно погиб под колесами мотоциклиста. Эсер Г.И. Лукьянчиков расстрелян в 1937 году. Меншевик В.П. Денике расстрелян в 1939 году. Ловкачом среди них был большевик **Иван Николаевич Бурсак** (настоящее имя – Борис Яковлевич Блатлиндер) – комендант Иркутска, начальник расстрельной команды адмирала Колчака. После его казни он сам был приговорен Иркутским ревтрибуналом к расстрелу за расхищение ценностей из адмиральского поезда, но был помилован и отправлен на фронт. Затем руководил Пролеткино, где в 1927 году вновь арестован из-за растрат, опять ушел от ответственности, получив всего год условного наказания. Потом занимал руководящие должности в Московском горкоме ВКП(б), в 1928 году награжден Орденом Красного Знамени. Был окончательно арестован и расстрелян в 1937 году. По другим сведениям, он якобы дожил аж до 1975 года.

Эти зловещие имена давно канули в архивы, но место в истории России А.В. Колчака неувядаемо, что предрек наш выдающийся писатель И.А. Бунин: «Настанет время, когда золотыми письменами, на вечную славу и память, будет начертано Его имя в летописи Русской Земли». Ныне это время пришло.

Владимир Черкасов-Георгиевский

Адмирал Колчак. Протоколы допроса

[Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии (21 января – 6 февраля 1920 г.)]

Протоколы заседаний Чрезвычайной следственной комиссии по делу Колчака (стенографический отчет)

Заседание чрезвычайной следственной комиссии 21-го января 1920 г.

Попов. Вы присутствуете перед Следственной комиссией, в составе ее председателя: К.А. Попова, заместителя председателя В.П. Денике, членов комиссии: Г.Г. Лукьянчикова и Н.А. Алексеевского, для допроса по поводу вашего задержания. Вы адмирал Колчак?

Колчак. Да, я адмирал Колчак.

Попов. Мы предупреждаем вас, что вам принадлежит право, как и всякому человеку, опрашиваемому Чрезвычайной следственной комиссией, не давать ответов на те или иные вопросы и вообще не давать ответов. Вам сколько лет?

Колчак. Я родился в 1873 году, мне теперь 46 лет. Родился я в Петрограде, на Обуховском заводе. Я женат формально законным браком, имею одного сына в возрасте 9 лет.

Попов. Вы являлись Верховным Правителем?

Колчак. Я был Верховным Правителем Российского Правительства в Омске, – его называли Всероссийским, но я лично этого термина не употреблял. Моя жена Софья Федоровна раньше была в Севастополе, а теперь находится во Франции. Переписку с ней вел через посольство. При ней находится мой сын Ростислав.

Попов. Здесь добровольно арестовалась г-жа Тимирева. Какое она имеет отношение к вам?

Колчак. Она – моя давнишняя хорошая знакомая; она находилась в Омске, где работала в моей мастерской по шитью белья и по раздаче его воинским чинам – больным и раненым. Она оставалась в Омске до последних дней, и затем, когда я должен был уехать по военным обстоятельствам, она поехала со мной в поезде. В этом поезде она доехала сюда до того времени, когда я был задержан чехами. Когда я ехал сюда, она захотела разделить участь со мною.

Попов. Скажите, адмирал, она не является вашей гражданской женой? Мы не имеем право зафиксировать этого?

Колчак. Нет.

Алексеевский. Скажите нам фамилию вашей жены.

Колчак. Софья Федоровна Омирова. Я женился в 1904 году здесь, в Иркутске, в марте месяце. Моя жена – уроженка Каменец-Подольской губ. Отец ее был судебным следователем или членом Каменец-Подольского суда. Он умер давно; я его не видал и не знал. Отец, мой, Василий Иванович Колчак. служил в морской артиллерии. Как все морские артиллеристы, он проходил курс в Горном институте, затем он был на уральском Златоустовском заводе, после этого он был приемщиком морского ведомства на Обуховском заводе. Когда он ушел в отставку, в чине генерал-майора, он остался на этом заводе в качестве инженера или горного техника. Там я и родился. Мать моя – Ольга Ильинична, урожденная Посохова. Отец ее происходит из дворян Херсонской губ. Мать моя уроженка Одессы и тоже из дворянской семьи. Оба моих родителя умерли. Состояния они не имели никакого. Мой отец был служащий офицер. После Севастопольской войны он был в плену у французов и при возвращении из плена женился, а затем служил в артиллерии и в Горном институте. Вся семья моего отца содержалась исключительно только на его заработки. Я православный; до времени поступления в школу получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна

сестра – Екатерина; была еще одна маленькая сестра – Любовь, но она умерла еще в детстве. Сестра моя Екатерина замужем. Фамилия ее Крыжановская. Она осталась в России; где она находится в настоящее время, я не знаю. Жила она в Петрограде, но я не имею о ней никаких сведений с тех пор, как я уехал из России.

Свое образование я начал в 6-й петроградской классической гимназии, где пробыл до 3-го класса; затем в 1888 году я поступил в морской корпус и окончил в нем свое воспитание в 1894 году. В морской корпус я перевелся и по собственному желанию, и по желанию отца. Я был фельдфебелем, шел все время первым или вторым в своем выпуске, меняясь со своим товарищем, с которым поступил в корпус. Из корпуса вышел вторым и получил премию адмирала Рикорда. Мне было тогда 19 лет. В корпусе был установлен целый ряд премий для первых пяти или шести первых выходящих, и они получались по старшинству.

По выходе из корпуса в 1894 году я поступил в петроградский 7-й флотский экипаж; пробыл там несколько месяцев, до весны 1895 года, когда был назначен помощником вахтенного начальника на только что законченном тогда постройкой и готовящемся к отходу за границу броненосном крейсере «Рюрик». Затем я пошел в первое мое заграничное плавание. Крейсер «Рюрик» ушел на восток, и здесь, во Владивостоке, я ушел на другой крейсер «Крейсер», в качестве вахтенного начальника, в конце 1896 года. На нем я плавал в водах Тихого океана до 1899 года, когда этот крейсер вернулся обратно в Кронштадт. Это было первое мое большое плавание. В 1900 году я был произведен в лейтенанты и вернулся уже из этого плавания вахтенным начальником. Во время моего первого плавания главная задача была часто строевая на корабле, но, кроме того, я специально работал по океанографии и гидрологии. С этого времени я начал заниматься научными работами. Я готовился к южно-полярной экспедиции, но занимался этим в свободное время; писал записки, изучал южно-полярные страны. У меня была мечта найти южный полюс; но я так и не попал в плавание на южном океане.

Алексеевский. Как протекали ваша служба по возвращении? Вы поступили в Академию?

Колчак. Нет, это мне не удалось сделать. Когда я вернулся в мае 1899 года в Петроград, я затем в декабре ушел опять на восток, уже на линейном корабле, на броненосце «Петропавловск». Лето и проплавал в морском кадетском корпусе на крейсере «Князь Пожарский» и ушел на Дальний Восток.

Когда я в 1899 году вернулся в Кронштадт, я встретился там с адмиралом Макаровым, который ходил на «Ермаке» в свою первую полярную экспедицию. Я просил взять меня с собой, но по служебным обстоятельствам он не мог этого сделать, и «Ермак» ушел без меня. Тогда я решил снова идти на Дальний Восток, полагая, что, может быть, мне удастся попасть в какую-нибудь экспедицию, – меня очень интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении. Я хотел попасть на какое-нибудь судно, которое уходит для охраны котикового промысла на Командорские острова, к Беринговому морю, на Камчатку. С адмиралом Макаровым я очень близко познакомился в эти дни, так как он сам много работал по океанографии.

Но тут произошли большие изменения в моих планах. В сентябре месяце я ушел на «Петропавловске» в Средиземное море, чтобы через Суэц пройти на Дальний Восток, и в сентябре прибыл в Пирей. Здесь я совершенно неожиданно для себя получил предложение барона Толля принять участие в организуемой Академией наук под его командованием Северной полярной экспедиции, в качестве гидролога этой экспедиции. Мои работы и некоторые печатные труды обратили на себя внимание барона Толля. Ему нужно было трех морских офицеров, и из морских офицеров он выбрал меня. Я получил предложение через Академию наук участвовать в этой экспедиции. Предложение это я принял немедленно, так как оно отвечало моим желаниям, и в декабре месяце морское министерство меня откомандировало в распоряжение Академии наук.

Из Пирея я уехал в Одессу, затем в Петроград и в январе явился к барону Толлю и поступил в его распоряжение. Мне было предложено, кроме гидрологии, принять на себя еще должность второго магнитолога экспедиции. Там был специалист по магнитологии – Зееберг, и мне было предложено в качестве его помощника заняться и этим. Для того, чтобы подготовить меня к этой задаче, я был назначен на главную физическую обсерваторию в Петрограде и затем в Павловскую магнитную обсерваторию. Там я три месяца усиленно занимался практическими работами по магнитному делу для изучения магнетизма. Это было в 1900 году. С самого начала я работал на петроградской Физической обсерватории, а детально я работал в Павловске. Наконец, экспедиция была снаряжена и вышла в июле месяце из Петрограда на судне «Заря», которое было оборудовано в Норвегии для полярного плавания строителем «Фрама». Я поехал в Норвегию, где занимался в Христиании у Нансена, который был другом барона Толля. Он научил меня работать по новым методам.

Алексеевский. Вы не можете ли сказать, кто из состава этой экспедиции в настоящее время жив и находится с вами в сношениях?

Колчак. Теперь все сношения со всеми у меня порвались. Барон Толль погиб вместе с Зеебергом, д-р Вальтер умер, с зоологом Бируля я до войны постоянно поддерживал связь; где теперь Бируля – я не знаю. Затем был еще один большой приятель, товарищ по экспедиции, Волосович, который потом стал геологом; где он находится теперь – я тоже не знаю. Из офицеров там был Коломийцев, он, кажется, здесь, в Иркутске. Виделся я с ним, когда в 1917 г. он опять уходил к устью Лены.

Экспедиция ушла в 1900 году и пробыла до 1902 года. Я все время был в этой экспедиции. Зимовали мы на Таймыре, две зимовки на Ново-Сибирских островах, на острове Котельном; затем, на 3-й год, барон Толль, видя, что нам все не удается пробраться на север от Ново-Сибирских островов, предпринял эту экспедицию. Вместе с Зеебергом и двумя каюрами он отправился на север Сибирских островов. У него были свои предположения о большом материке, который он хотел найти, но в этом году состояние льда было таково, что мы могли проникнуть только к земле Бенетта. Тогда он решил, что на судне туда не пробраться, и ушел. Ввиду того, что у нас кончались запасы, он приказал нам пробраться к земле Бенетта и обследовать ее, а если это не удастся, то идти к устью Лены и вернуться через Сибирь в Петроград, привезти все коллекции и начать работать по новой экспедиции. Сам он рассчитывал самостоятельно вернуться на Ново-Сибирские острова, где мы ему оставили склады. В 1902 году, весной, барон Толль ушел от нас с Зеебергом, с тем чтобы потом больше не возвращаться: он погиб во время перехода обратно с земли Бенетта. Лето мы использовали на попытку пробраться на север к земле Бенетта, но это нам не удалось. Состояние льда было еще хуже. Когда мы проходила северную параллель Сибирских островов, нам встречались большие льды, которые не давали проникнуть дальше. С окончанием навигации мы пришли к устью Лены, и тогда к нам вышел старый пароход «Лена» и снял всю экспедицию с устья Тикси. Коллекции были перегружены на «Лену», и мы вернулись в Якутск, затем в Иркутск и в декабре месяце 1902 года прибыли в Петроград. На заседании Академии наук было доложено общее положение работ экспедиции и о положении барона Толля. Его участь чрезвычайно встревожила Академию. Действительно, предприятие его было чрезвычайно рискованное. Шансов было очень мало, но барон Толль был человеком, верившим в свою звезду и в то, что ему все сойдет, и пошел на это предприятие. Академия была чрезвычайно встревожена, и тогда я на заседании поднял вопрос о том, что надо сейчас, немедленно, не откладывая ни одного дня, снаряжать новую экспедицию на землю Бенетта для оказания помощи барону Толлю и его спутникам, и так как на «Заре» это сделать было невозможно (был декабрь, а весной надо было быть на Ново-Сибирских островах, чтобы использовать лето), – «Заря» была вся разбита, – то нужно было оказать быструю и решительную помощь. Тогда я, подумавши а взвесивши все, что можно было сделать, предложил пробраться на землю Бенетта и, если нужно, даже на поиски барона

Толля на шлюпках. Предприятие это было такого же порядка, как и предприятие барона Толля, по другому выхода не было, по моему убеждению. Когда я предложил этот план, мои спутники отнеслись к нему чрезвычайно скептически и говорили, что это такое же безумие, как и план барона Толля. Но когда я предложил самому взяться за выполнение этого предприятия, то Академия наук дала мне средства и согласилась предоставить мне возможность выполнить этот план так, как я нахожу нужным. Академия дала мне полную свободу и обеспечила меня средствами и возможностью это выполнить. Тогда я в январе месяце уехал в Архангельск, где выбрал себе четырех спутников из мезенских тюленепромышленников. Со мною согласились идти еще двое из моих матросов из экспедиции – Беличев и Железняков. Когда я приехал на съезд тюленепромышленников, они заинтересовались этим делом, выбрали мне четырех охотников, привыкших к плаванию во льду, и я с ними, с двумя матросами и четырьмя тюленепромышленниками, в декабре выехал обратно в Иркутск, чтобы здесь подготовить на севере все необходимое для того, чтобы немедленно уехать на Ново-Сибирские острова, которые я избрал как базу.

Я обратился по телеграфу в Якутск к одному политическому ссыльному, О.В. Оленину, с которым я познакомился. Он занимался изучением Якутского края. Я обратился к нему, чтоб он за время моего отсутствия проехал на север подготовить вещи и собак для перехода на Ново-Сибирские острова. Он на это согласился и все выполнил. Затем из Иркутска я поехал в Якутск, не теряя нигде ни одного дня. Как можно скорее из Якутска поехал в Верхоянск, затем в Устьянск, где меня ожидал Оленин, который закупил собак; затем на собаках я поехал к устью Тикси, взял с «Зари» один из хороших китобойных вельботов, на собаках протащил обратно в Устьянск и в начале мая вместе со своими шестью спутниками, Олениным и партией местных якутов и тунгусов, которые были как каюры, с транспортом 160 собак, вышел из Устьянска на остров Котельный. Я перебрался на Ново-Сибирские острова, вышел у мыса Медвежьего, около острова Котельного. Этот переход на Ново-Сибирские острова я делал в мае месяце. Там началась уже таль, разлив рек, и затем я остался ожидать вскрытия моря. Я оставил запас провизии; больше не мог взять с собою, взял на три месяца, мне надо было прокормить людей, собак и приберегать на обратный путь. Тогда мы разделились: Оленин с туземцами остались летовать на островах и заниматься охотой, для того чтобы приготовить мяса. Часть собак пришлось убить, часть этой партии с собаками осталась на летовку на Ново-Сибирских островах, а я с шестью спутниками остался на мысе Медвежьем ожидать вскрытия моря и занимался главным образом охотой, чтобы прокормить себя. Затем, в июле месяце, море вскрылось, и я на вельботе, который был там подготовлен, с шестью спутниками, в тот же день, как только лед тронулся от берега, пошел вдоль южного берега Сибирских островов и вдоль Котельного, направился в Благовещенский пролив, между островами Новой Сибири. Затем, пробираясь через этот пролив, я вышел на северо-западную часть Новой Сибири – это был ближайший пункт, с которого надо было идти в открытый океан на землю Бенетта. Затем, передохнув на Новой Сибири, мы отправились дальше на север. В противоположность предшествующему 1902 году, когда все море в этом месте было забито льдами, я встретил совершенно открытое море; не было даже льда достаточно большого, чтобы можно было вылезти на него и отдохнуть. Приходилось сидеть все время в шлюпках, а все время был свежий ветер. Наконец, мы добрались до земли Бенетта 5-го августа, на Преображение, – этот мыс я назвал мысом Преображенским, – и высадился на остров Бенетта. Ближайшее же обследование этого берега очень скоро дало нам признаки пребывания там партии барона Толля. Мы нашли груды камней, в которой находились бутылка с запиской со схематическим планом острова, с указанием, что там находятся документы. Руководствуясь этим, мы очень скоро, в ближайшие дни, пробрались к тому месту, где барон Толль со своей партией находились на этом острове. Там мы нашли коллекции, геологические инструменты, научные, которые были с бароном Толлем, а затем тот краткий документ, который дал последние сведения о судьбе барона Толля. Он говорил, что

барон Толль прибыл в 1902 году летом на остров Бенетта, где он, в конце концов, решился сначала зимовать, так как уже было поздно, а главное, что их чрезвычайно задержало там, – это попытка охоты. Они старались там охотиться, чтобы пополнить свои запасы, но сделать это им не удалось. Поэтому барон Толль сначала решил перезимовать, надеясь на весеннюю охоту, и продолжать уже дальнейшее движение весной, с наступлением светлого времени, так как в августе уже становится темно. Охота эта была неудачна, и в октябре месяце выяснилось, что партия перезимовать не может, что ей придется умереть там с голоду. Тогда, в конце ноября 1902 года, барон Толль решился на отчаянный шаг – идти на юг в то время, когда уже наступили полярные ночи, когда температура понижается до 40°, когда море, в сущности говоря, даже в открытых местах не имеет воды, а покрыто льдом, так что двигаться совершенно почти невозможно ни на собаках, ни на шлюпках, ни пешком. В такой обстановке, в полярную ночь, он двинулся со своими спутниками на юг. Документ его кончается такими словами: «Сегодня отправились на юг; все здоровы, провизии на 14 дней». Партия, конечно, вся погибла. Тогда я увидел, что моя задача разрешена, что Толль ушел на юг, значит, оставалось сделать последний переход на Сибирские острова и осмотреть все склады, которые были там заложены, чтобы узнать, не оставался ли где-нибудь барон Толль. Эту задачу частью выполнял Оленин. Затем я в августе отправился обратно, на Ново-Сибирские острова. Осмотрел по дороге склады, которые были заложены. Все было цело, никаких признаков возвращения барона Толля не было. Факт его гибели остался почти несомненным. Через 42 дня плавания на этой шлюпке я вернулся снова к своему первому исходному пункту около мыса Медвежьего острова Котельного. Был конец августа и начало сентября. Там я оставался до замерзания моря, а в октябре я перешел обратно на материк, в Устьянск. Все спутники мои остались живы. Оленин выполнял свою задачу, сохранил собак без крайних лишений. Мы вернулись все, не потерявши ни одного человека. Оттуда мы обычным путем поехали в Верхоянск, а затем в Якутск. Это было уже в 1903 году. В декабре месяце я ушел из Устьянска, в январе был в Верхоянске, а затем в конце января прибыл в Якутск, как раз накануне объявления русско-японской войны. С тех пор я с Лениным не видался до прошлого года в Харбине; он потом работал на Амуре в золотопромышленной компании.

Алексеевский. Он был политический ссыльный или уголовный?

Колчак. Он был политический ссыльный. Он студент Московского университета. У него была склонность к изысканиям, я бы сказал, – к научному авантюризму. Его интересовал край, и, когда он получил амнистию за свою экспедицию, он вернулся обратно из Петрограда в Якутск.

Алексеевский. А с другими ссыльными вы в Якутской области не входили в сношения?

Колчак. Я встречался с ними в Верхоянске и в Устьянске, но не завязывал отношений, потому что я бывал временно; близко я ни с кем не знакомился, потому что я везде бывал по несколько дней. Когда я в Якутске получил извещение о том, что случилось нападение на наши корабли в Порт-Артуре и вслед затем известие о том, что адмирал Макаров назначается командующим Флотом в Тихом океане, я по телеграфу обратился в Академию наук с просьбой вернуть меня в морское ведомство и обратился в морское ведомство с просьбой послать меня на Дальний Восток, в тихоокеанскую эскадру, для участия в войне. Затем, так как Оленин был в курсе всех дел экспедиции, я ему смог сдать все дела, людей, заботы о них, затем ценности, многие научные коллекции, которые он главным образом составил, и со всем этим поручить ему ехать в Петроград для доклада в Академию наук. А сам я из Иркутска поехал на Дальний Восток. Меня не хотели отпустить, но, в конце концов, после некоторых колебаний, президент Академии, в. кн. Константин Константинович, к которому я непосредственно обратился, устроил так, что меня Академия отчислила и передала в ведомство, а тут я получил приказание поехать в Порт-Артур. Тогда я выехал и Иркутск. В Иркутск приехали меня повидать мой отец и моя теперешняя жена. Я ушел женихом – должен был жениться после первой экспедиции, но

вторая экспедиция помешала; затем наступила война, и я решил, что надо жениться. Здесь, в Иркутске, я обвенчался, после чего, пробывши несколько дней, я уехал вместе со своим другом Беличевым, сказавшим, что он пойдет со мною дальше. Поморы же вернулись назад. Я прибыл в Порт-Артур примерно в марте месяце или в начале апреля. Макаров тогда еще был жив. Прибывши в Порт-Артур, я явился к адмиралу Макарову, которого просил о назначении меня на более активную деятельность. Он меня назначал на крейсер «Аскольд», так как, по его мнению, мне нужно было немного отдохнуть, пожить в человеческой обстановке на большом судне. Я просил назначить меня на миноносец; он упорно не хотел назначить меня на минные суда. На этом «Аскольде» я пробыл до гибели адмирала Макарова, которая произошла на моих глазах 31 марта. После гибели адмирала Макарова я был назначен на очень короткое время на минный заградитель «Амур», а затем на миноносец «Сердитый», в качестве командира. На этом миноносце, после того как я вступил в командование, я не рассчитал своих сил, которые уже за все это время были подорваны, – я получил очень тяжелое воспаление легких, которое меня заставило лечь в госпиталь. Там я провел около месяца; затем, в июле, оправившись от воспаления легких, я снова продолжал командовать миноносцем до осени. К осени у меня снова начали сказываться последствия моего пребывания на крайнем севере, а именно – появились признаки суставного ревматизма.

Алексеевский. Значит, вы в выходе эскадры в июле не участвовали?

Колчак. Нет, в выходе эскадры я участвовал. Я был уже на миноносце, но в боях наш миноносец не участвовал – шел другой отряд. Мы только проводили выход эскадры, а затем вернулись, так как мой миноносец должен был оставаться в Порт-Артуре. Затем я осенью видел, что мне становится на миноносце все хуже и хуже. После того как был июльский неудачный бой и прорыв во Владивосток и началась систематическая планомерная осада крепости, центр тяжести всей борьбы перенесся на сухопутный фронт. Здесь последнее время мы уже занимались постановкой, главным образом, мин и заграждений около Порт-Артура, и мне удалось, в конце концов, поставить минную банку на подходах к Порт-Артуру, на которой взорвался японский крейсер «Такосадо». Результат пребывания на севере – ревматизм и общее положение дел, при котором центр тяжести войны переносился на сухопутный фронт, заставили меня в сентябре просить назначения на сухопутный фронт. Все время я принимал участие в мелких столкновениях и боях во время выходов. Осенью я перешел на сухопутный фронт. Я вступил в крепость, командовал там батареей морских орудий на северо-восточном фронте крепости и на этой батарее я оставался до сдачи Порт-Артура, до последнего дня, и едва даже не нарушил мира, потому что мне не было дано знать, что мир заключен. Я жил в Порт-Артуре до 20-х чисел декабря, когда крепость пала. Когда была сдача крепости, я уже еле-еле ходил, но держался еще, и когда было падение Порт-Артура, мне пришлось лечь в госпиталь, так как у меня развился в очень тяжелой форме суставной ревматизм. Я был ранен, но легко, так что это меня почти не беспокоило, а ревматизм меня совершенно свалил с ног. Эвакуировали всех, кроме тяжело раненных и больных, я же остался лежать в госпитале в Порт-Артуре. В плену японском я пробыл до апреля месяца, когда я начал уже несколько оправляться. Оттуда нас отправили в Дальний, а затем в Нагасаки.

В Нагасаки партия наших больных и раненых получила очень великодушное предложение японского правительства, переданное французским консулом, о том, что правительство Японии предоставляет нам возможность пользоваться, где мы захотим, водами и лечебными учреждениями Японии, или же, если мы не желаем оставаться в Японии, вернуться на родину без всяких условий. Мы все предпочли вернуться домой. И я вместе с группой больных и раненых офицеров через Америку отправился в Россию. Это было в конце апреля 1905 года. Все мы через Америку вернулись в Петроград. В Петрограде меня сначала освидетельствовала комиссия врачей, которая признала меня совершенным инвалидом, дала мне четырехмесячный отпуск для лечения на водах, где я пробыл все лето до осени. С осени я продолжал

свою службу, причем на мне лежала еще обязанность перед Академией наук дать прежде всего отчет, привести в порядок наблюдения и разработку предшествующей экспедиции, которая была мною брошена. Все мои труды по гидрологии и магнитологии, съемки были брошены, так что я опять поступил в распоряжение Академии наук и осенью 1905 года занимался в Академии наук, но уже занимался трудом кабинетным, работал в физической обсерватории и приводил в порядок свои работы. Это относится к периоду моей большой связи с Академией и с Географическим обществом. Затем в Географическом обществе я получил научную высшую награду за свои последние экспедиции – большую Константиновскую золотую медаль.

Эта работа продолжалась до января 1906 года. Я привел до известной степени в порядок и передал в переработку специалистам свои научные труды по этой экспедиции.

В 1906 году, в январе месяце, произошли такого рода обстоятельства. После того, как наш флот был уничтожен и совершенно потерял все свое могущество во время несчастной войны, группа офицеров, в числе которых был и я, решили заняться самостоятельной работой, чтобы снова подвинуть дело воссоздания флота и, в конце концов, тем или иным путем как-нибудь стараться в будущем загладить тот наш грех, который выпал на долю флота в этом году, возродить флот на началах более научных, более систематизированных, чем это было до сих пор. В сущности, единственным светлым деятелем флота был адмирал Макаров, а до этого времени флот был совершенно не подготовлен к войне, и вся деятельность его была не военная и не серьезная. Нашей задачей явилась идея возрождения нашего флота и морского могущества.

Группа этих морских офицеров, с разрешения морского министра, образовала военно-морской кружок, полуофициальный. Так нам было предоставлено в Морской академии помещение; средства кое-какие морское министерство дало, так как оно относилось благожелательно к этой работе. Я был в числе основателей этого военно-морского кружка в Петрограде, где мы занялись прежде всего разработкой вопроса, как поставить дело воссоздания флота на соответствующих научных и правильных началах. В результате этого, в конце концов, мною и членами этого кружка была разработана большая записка, которую мы подали министру по поводу создания морского генерального штаба, т. е. такого органа, который бы ведал специальной подготовкой флота к войне, чего раньше не было: был морской штаб, который ведал личным составом флота, – и только. В этот кружок входили Щеглов, Римский-Корсаков, Пилкин; затем к нему присоединились очень многие. Я долгое время был председателем этого кружка. К поданной записке отнеслись очень сочувственно, и весной 1906 года было решено создать морской генеральный штаб. План этот был одобрен, и весной, приблизительно в апреле 1906 года, он был осуществлен созданием морского генерального штаба. В этот штаб вошел и я в качестве заведующего балтийским театром. Я был в то время капитаном 2-го ранга и явился одним из первых, назначенных в этот штаб. С этого времени и начинается период, обнимающий приблизительно 1906, 1907, 1908 г.г., – период, если можно так выразиться, борьбы за возрождение флота. В основание всего этого дела морским генеральным штабом была выдвинута морская судостроительная программа, которой до сих пор не было. Постройка судов шла без всякого плана, в зависимости от тех кредитов, которые отпускались на этот предмет, причем доходили до таких абсурдов, что строили не тот корабль, который был нужен, а тот, который отвечал размерам отпущенных на это средств. Благодаря этому получились какие-то фантастические корабли, которые возникали неизвестно зачем.

Таким образом, прежде всего была выдвинута планомерная судостроительная программа. Первая работа, которая была выполнена морским генеральным штабом, заключалась в изучении военно-политической обстановки. Это был именно тот период, когда морской генеральный штаб работал совместно с сухопутным. Во главе нашего штаба стоял адмирал Брусилов, а там генерал Палицын. Это был единственный период, который я знаю, когда оба штаба работали совместно и согласованно. Это был период изучения общей политической обста-

новки, и еще в 1907 году мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. – совершенно определенно и неизбежно указывало нам на эту войну, начало которой мы определяли в 1915 году, указывало на то, что эта война должна быть. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее, будет исходить от Германии; знали, что в 1915 году она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать.

После долгого и весьма детального изучения исторического и военно-политического, было решено как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключать будет нельзя, а что эта война должна будет решиться, в конце концов, вопрос о славянстве: быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходилась с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание, показывала, что война произойдет против союза срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной, и даже при определении начала ее ошибались только на полгода. Да и то немцы и сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали. Таким образом, в связи с общим политическим положением и была разработана судостроительная программа, долженствовавшая быть законченной к 1915 году. К этому времени относится период чрезвычайно тесных сношений обоих штабов с Государственной думой, которая принимала в этом деле большое участие. В этот период 1906–1907 гг. различные политические группы, политические организации – все интересовались военными вопросами. Мне приходилось постоянно бывать там в качестве докладчика и эксперта на многих заседаниях. Там часто ставились вопросы о надводном и подводном флоте, и вообще общество чрезвычайно интересовалось этой войной и военным и морским делом. Этот период был чрезвычайно оживленным в этом смысле. К этому периоду относится чрезвычайно близкая связь между обоими штабами и Государственной думой и ее военными комиссиями. В этих военных комиссиях я был в качестве эксперта и присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, которые касались флота.

Алексеевский. Были ли среди офицеров флота морского ведомства сторонники союза с Германией, хотя бы по соображениям чисто профессиональным, техническим?

Колчак. Я могу указать на Бернса, который был тогда нашим агентом в Германии и который теперь в Советской России (кажется, после Альтфатера он выполняет обязанности командующего флотом). Он был определенным сторонником союза с Германией, указывая, что разрываться с Германией нельзя, что все вопросы, которые существуют, могут быть разрешены удовлетворительно, и что, наоборот, союз с Англией и Францией не сулит России ничего, кроме дальнейших осложнений. Вы, может быть, помните одну книгу военно-политического содержания, сочинение Вандаля: там проводилась эта точка зрения о необходимости союза с Германией. Это наделало много шума и разделило общество на два лагеря: один – германской ориентации, и другой – союзнической ориентации. Крупными противниками этой точки зрения были адмиралы Эссен и Непенин. Адмирал Эссен был определенно против немцев, хотя и был сам немецкого происхождения. Непенин был также их противником и ненавидел немцев. Среди крупных представителей морского ведомства не было представителей германской ориентации. Большинство склонялось к союзнической ориентации, так как всем было видно, что приготовления Германии к войне идут, что она готовится к войне именно с нами, о чем ясно говорили добытые документы. Конечно, могли быть ошибки, конечно, такие вещи легче говорить постфактум, но тогда для меня, например, один Трейчке стоил откровения, так как дело говорил об отношении к нам Германии. Я думаю, если у меня и были минуты колебания, то

Трейчке их уничтожил. Ведь Трейчке исходил из изучения всей картины, всей исторической стороны этого дела, всей политики Германии.

Алексеевский. Таким образом, новому морскому генеральному штабу приходилось составлять программу в смысле борьбы с Германией?

Колчак. Для того, чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г., главный же противник был определен как Германия. Новая судостроительная программа была принята и представлена в Государственную думу, но здесь произошли крупные события. Совершенно неожиданно морским министром был назначен Воеводский, предшественник его Диков относился к этому довольно безразлично и не противодействовал этой работе. Тогда у морского генерального штаба явилась большая идея: будучи противниками Германии, мы, в сущности говоря, признавали, что германская военная организация является образцовой, и оба генеральные штаба, – и сухопутный, и морской – стремились к созданию положения генеральных штабов как независимых органов, подчиненных только верховной власти, а не министру. Это вызвало, смену Палицына, и ясно было по моменту, что смещен будет и Брусилов. Но он тогда заболел и умер. Вслед за этим явилась реакция против тенденций, бывших в морском генеральном штабе. Министром был назначен Воеводский, который почему-то начал борьбу с Государственной думой именно на почве этой судостроительной программы. Он старался препятствовать этому и повел борьбу с Государственной думой в то время, когда дело уже налаживалось. Между тем время шло и не ждало, по нашему убеждению, и программу надо было проводить. В конце концов, Воеводским дело было поставлено так, что программа эта остановилась. На многих, для которых эта программа являлась всем смыслом, целью нашего существования, в том числе и на меня, это произвело ужасное впечатление. Я был одним из главных составителей программы, большую часть ее я писал и разрабатывал, наконец, с этой целью я ездил в Государственную думу, к Гучкову и другим членам Государственной думы. Я старался это сделать возможно быстро, прилагая все усилия, но сделать было ничего нельзя. Тогда я сказал себе, что при таких условиях, когда эта программа морского министерства не могла быть проведена из-за разногласий, которые были для меня непонятны, из-за какой-то борьбы, которую вел морской министр с Государственной думой, – оставаться в генеральном штабе я не могу. Я видел, что с этим ничего нельзя поделать, и потому решил оставить военную работу и вернуться к прежней научной деятельности. Воеводский, будучи назначен министром, начал изменять и переделывать эту программу, задерживать запросы, которые делались Государственной думой и которые были необходимы для решения вопросов, и т. д. Почему он это делал, было совершенно неизвестно, но вред этим делу был нанесен ужасный. В конце концов, это отразилось тем, что программу не выполнили к тому сроку, к которому она могла и должна была быть выполнена. Вначале эта программа была тем, что было известно под именем «большой программы». Затем она распалась на два проекта – большой и малый. Это было делом Воеводского. На меня это подействовало самым печальным образом, и я решил, что при таких условиях ничего не удастся сделать, и потому решил дальше заниматься академической работой. Я перестал работать над этим делом и начал читать лекции в Морской академии, которая была тогда образована. Я читал лекции несколько месяцев и решил, что лучше вернуться к научной работе. В это время начальник главного гидрографического управления Вилькицкий (я его хорошо знал, так как он был полярный исследователь, а он меня хорошо знал и сочувствовал всей моей деятельности) предложил мне организовать экспедицию для исследования северо-восточного морского пути из Атлантического океана в Северный океан вдоль берегов Сибири. Встретившись и поговорив с ним, я решил заняться этим делом. Находясь в генеральном штабе, я разработал проект этой экспедиции и подал Вилькицкому. При разработке вопроса, как выполнить эту экспедицию, я, на основании всего предшествующего опыта полярного плавания, на основании опыта плавания здесь на севере, остановился на организации новой экспедиции на

стальных судах ледокольного типа, конечно, не таких, которые могли бы ломать полярный лед, так как опыт «Ермака» показал, что это невыполнимо и что активная борьба с океанским льдом невозможна. Но опыт показал, что конструировать судно, которое выдерживало бы давление льдов, вполне возможно, что это затруднений не вызывает и что, конечно, легко достроить стальное судно большой вместимости, которое во всяком случае не будет уступать «Фраму», построенному Нансеном из дерева и только снабженному стальной обшивкой. Я считал необходимым иметь два таких судна, чтобы избежать случайностей, неизбежных в такой экспедиции. В конце концов, в 1908 году главное гидрографическое управление выступило с проектом организации такой экспедиции для изучения вопроса о северном морском пути из Тихого в Атлантический океан кругом северного побережья Сибири. Я, оставаясь пока в штабе, принимал в разработке этого проекта активное участие. Все свободное время я работал над этим проектом, ездил на заводы, разрабатывал с инженерами типы судов. В этом принимал участие и мой бывший спутник Маттисен. Решено было построить два ледокольных стальных судна, которые были названы «Таймыр» и «Вайгач». Командиром был назначен Маттисен. Когда это было решено, я просил отчислить меня от генерального штаба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.